

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Обложка *Н. Кудри*

Редактор серии *О. Басова*

Алейникова, Юлия.

А45 Прощальный подарок Карла Брюллова :
[роман] / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо,
2020. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-108428-8

В далеком 1849 году незадолго до смерти великий Карл Брюллов подарил своему бывшему соученику по Академии художеств Афанасию Пичугину некий портрет, круто изменивший судьбу его потомков. Шли годы, менялись поколения, а портрет оставался благословением и проклятием семьи... В наши дни в своей квартире в центре Петербурга найден мертвым старый художник Михаил Андреевич Пичугин. Что это было, убийство или попытка ограбления? Как глубоко во времени уходит нить этого преступления? Раскрыть семейную тайну Пичугиных предстоит молодому сотруднику следственного отдела Никите Борису...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108428-8

ПРОЛОГ

Апрель 1849 года, Санкт-Петербург

З

адувало с Невы, ох, задувало. Плохонькое пальтишко Афанасия Ивановича никак не могло спасти от этого сырого пронзительного ветра, мчавшегося по речному простору с весенней удалю. И стонали, поскрипывая, корабельные мачты, и ежились прохожие, и, придерживая картузы и шляпы, спешили свернуть в улицы и переулки, и бились о гранитный парапет сине-стальные воды, и брызги летели вверх, подхватываемые ветром. И яркое весеннее солнце слепило глаза, лаская теплым лучом нос и щеки. И радостно должно было становиться на душе от этого весеннего буйства, да вот не становилось.

В глазах Афанасия Ивановича, казалось, навсегда застыло выражение горечи и обиды.

Подходя к зданию Академии художеств, к *alma mater* можно сказать, только что не сплюнул от досады. Да, пока учился в ней, бедствовал, но мечтал, вот учится, станет художником, пойдут заказы, прославится... Куда там!

Видно, так уж на роду написано. Бедный все беднеет. Неудачнику от рождения прописано тяжкий крест нести и не роптать. Ладно бы еще один был, уж концы с концами худо-бедно свел бы. Так ведь нет.

Едва Академию закончил, на радостях женился, да еще и выгодным женихом себя воображал.

Уленька — душенька, голубка кроткая, ни разу его ни в чем не упрекнула. Сперва-то он все еще заказов ожидал, клиентов состоятельных, портреты мечтал писать вельмож да купцов зажиточных, а ему больше чем вывеску намалевать или там журналышко второсортный оформить и не предлагали ничего. А он, Афанасий, по первости еще ерепенился, как же, выпускник Академии! А через полгода, когда за квартиру платить стало нечем, любой малости радоваться стал.

С тех пор так и живут, перебиваются, чем Бог послал. На казенную службу не устроится, связи нужны. Заказчиков богатых откуда ж взять? А тут еще и детишек Бог послал. Три дочки, Вера, Надя и Любочка, и сын Михаил, младшенький. Болеет сейчас маленький, доктора надо, лекарства, а в доме шаром покати, копейки нет. Хозяин грозит с квартиры выгнать, это с детьми-то. Приходится для его дрянного трактиришки меню рисовать. И ладно бы за деньги, а то просто чтобы с долгом подождал да с квартиры не выгнал. А меню-то какие выходят, таких небось и в наилучших ресторациях не увидишь. А хозяин-разбойник нет чтоб отблагодарить, ругается да грозит. Да и то, чего ему не грозить, если Афанасий Иванович перед ним, аки гнида какая, жметса да кланяется.

Налетел сильный, злой порыв ветра, словно кулаком толкнув тонкую фигуру художника. Вот и природа супротив него.

Повыше поднимая вытертый воротник, продолжал стенать про себя бедолага. Только что и спасения что благодетель Карл Павлович, кабы не он, так давно уже ноги протянул бы. А он, Великий, не гнушается и денежкой одолжит без возврата, с чего отдавать-

то? И накормит когда, а когда из вещей своих поднесет на бедность. Шубу, абы пальто, а то рубашек полотняных. Им, сирым, и это счастье.

А ему что? Так, пустяк. На весь мир прославился, император к нему в мастерскую запросто приезжает. Сказывают, много лет уговаривал портрет написать, а Брюллов ни в какую, и ничего, сошло с рук. Собор Исаакиевский расписывать доверили, не без зависти размышлял Афанасий Иванович.

Правда, болеет Великий, сильно болеет, даже государь согласился отпустить незаменимого Карла на лечение на Мадейру, а ведь он столько лет рвался в любимую Италию, и все напрасно.

Страдал Карл Павлович в сыром климате Петербурга. Не радовало его пасмурное низкое небо, рвался всей душой в цветущую Италию. А вот Афанасию Ивановичу не довелось нигде побывать, не хватило ему таланта, чтобы претендовать на пенсионерскую поездку за границу.

Ну, вот и подъезд. Постоять, дыхание перевести. Коляски вон у подъезда. Небось опять полон дом народа. Ученики, приятели, подпевалы, знаменитости разные, а у Афанасия Ивановича дело такое деликатное.

Краснея заранее от стыда, мялся он, собираясь с силами, чтобы позвонить в колокольчик. И лакей у Брюллова Лукьян строгий, взглянет из-под бровей, аж душа в пятки. Да куда ж деваться? Мишенька болеет.

К удивлению Афанасия Ивановича, в мастерской было пусто. Из гостиной доносились голоса, а вот в мастерской, куда его Лукьян привел, ни души.

Он присел робко на стульчик у двери, зябко ежась, потирая замерзшие ладони. Апрель был переменчив, то дождик, то солнышко, то ветер сырой, до костей пробирающий, зябко.

— А, Афанасий, друг сердечный! — услышал над собой густой, мягкий голос Афанасий Иванович и тут же подскочил, рабопенно кланяясь, просительно улыбаясь.

Но Карл Павлович обнял его как равного, похлопал по плечу.

— Что, брат, опять туго? — спросил, улыбаясь и с грустью разглядывая худое, источенное заботами лицо старого приятеля.

— Да уж, Карл Павлович, совсем нужда замучила, кабы не крайние обстоятельства... — всхлипнул малодушно от такой участливости Афанасий Иванович.

Сам Брюллов выглядел ужасно. Худой, почти изможденный, неопрятная прическа, одет в старый халат, сверху какой-то платок намотан. И все время кашляет, так что сотрясается весь. Ужас, да и только.

— А меня, Афанасий, на Мадейру посылают, лечиться. Слыхал небось?

— А как же, — угодливо покивал Афанасий Иванович. — Вам на солнышке погреться очень даже необходимо, а там здоровым да полным сил к нам вернетесь.

— Нет, Афанасий, не вернусь я уже. Умирать еду, — просто, без всякой рисовки заявил Брюллов, опускаясь в кресло. — Так-то вот. А что же мне с тобою делать? — тут же встряхнулся он, отгоняя печальные мысли. — Не будет меня в Петербурге, кто ж выручит? А?

— Уж и не знаю, Карл Павлович. Мне бы службишку какую? Чтоб с жалованьем? — с надеждой проговорил Афанасий Иванович, но Великий, казалось, его не слышит.

— Вот что, Афанасий, — вставая и задумчиво бродя по мастерской, проговорил Карл Павлович, —

возьми-ка пока сто рублей, авось на первое время хватит, а еще штуковина у меня одна... Подарю тебе, авось, выручит... да и терять тебе уже нечего, — бормотал он, сунув в руку одуревшего от счастья Афанасия Ивановича ассигнации.

Шутка ли, такие деньги!

Карл Павлович тем временем что-то настойчиво искал в углу мастерской.

— Тут она, точно знаю. Если бы потерял где, тогда бы он... Да нет. Здесь, определенно здесь. Ага, вот она, — вытаскивая из вороха старых холстов, подрамников и прочего художественного скарба небольшую, замотанную плотно в старую холстину раму. — Сейчас, погоди, дружище. Сейчас... — озабоченно бормотал Карл Павлович, освобождая свою находку из пыльного плена.

Это был небольшой портрет, размером с развернутую книгу, темный, грязный, а с портрета на Афанасия Ивановича глянул, вот именно глянул, препротивный старикашка. Неряшливый, оборванный, с вислым крючковатым носом и мерзкими рыскающими глазками. В костистых чумазных пальцах он сжимал мешочек с деньгами. С первого взгляда на портрет было ясно, какого рода человек перед вами.

Портрет был написан бездарно, и только мерзкие шныряющие глазки по-настоящему удались художнику, и именно они вызвали непреодолимое отвращение к портрету, едва взглянув на него, тут же хотелось отвернуться.

— Что это? — брезгливо сморщив нос, спросил из вежливости Афанасий Иванович, сам бы он написал старика не в пример лучше.

— Это мой подарок, — просто сказал Брюллов, протягивая Афанасию Ивановичу картину. — Да ты по-

годи, выслушай сперва! — воскликнул Великий, предупредая готовые сорваться с языка приятеля слова. — Картинка эта, конечно, так. Мазня. Но дело не в том. Я сейчас тебе расскажу кое-что, а ты послушай.

Карл Павлович снова тяжело опустился в кресло, заходясь сухим мучительным кашлем. В мастерскую заглянул Лукьян, да Брюллов отмахнулся, уйди, мол.

— Так вот, — переждав приступ кашля, продолжил Карл Павлович. — Это было в Италии в тысяча восемьсот двадцать девятом году. Мои отношения с Обществом поощрения художников, которое вместо Академии взялось оплатить мою поездку в Европу, на тот момент окончательно разладились, я остался практически без средств, зато свободный от всяких обязательств. — На лице художника при воспоминаниях об этом благословенном времени заиграла легкая, мечтательная улыбка. — Тогда я еще не достиг сколько-нибудь широкой известности, средств на жизнь не хватало, я много работал. О, сколько вдохновения, сколько сил, идей, замыслов бурлило во мне... Но я не об этом, — сам себя прервал Карл Павлович. — Однажды я делал акварельные наброски в окрестностях одной живописной деревушки около Рима и не заметил, как пристроился у меня за спиной на камне один колоритный синьор. Старый уже, на вид лет сто, совершенно белые волосы, но еще густые, крупными такими локонами, с бородкой благообразной и одет прилично, в бархатную куртку, хорошие сапоги, а шляпы вовсе нет, и смотрит, как я работаю. Да смотрит так это, с пониманием, с прищуром. Словно оценивает. Поздоровались, разговорились. Оказалось, что я не ошибся. Старичок оказался художником, в свое время очень популярным в Италии, но, по его собственному

признанию, удачливости в его творчестве было больше, чем таланта. На старости лет он переехал в деревню, ту самую, возле которой мы и повстречались. У него был свой дом, небольшой, но очень уютный, с красивым просторным садом и восхитительным видом на окрестности. Жена его уже умерла, дети жили своими семьями, а за ним ухаживала немолодая служанка, которой ко времени нашей встречи было уже не меньше пятидесяти лет.

Старик пригласил меня в гости, угостил отменным вином. Мы разговорились. Несмотря на возраст, у него был ясный пытливый ум, он живо интересовался всеми модными течениями в искусстве. Одобрил мои акварели, пожелал взглянуть на другие мои работы. Как-то незаметно наш разговор перешел на Россию, на возможности для художника в нашей стране, и как-то невзначай коснулся Общества поощрения художников и моего расставания с ним. Мой новый знакомец был так внимателен и добр, что я разговорился и под действием вина, очевидно, пожаловался ему на финансовые затруднения. После этого он и принес мне этот портрет. Прежде чем подарить его, он сказал, что оставил своим детям неплохое состояние, никто из них не унаследовал художественных талантов. Зато все они твердо стоят на ногах, имея приличные доходы, а потому он без всякого сожаления расстается с этой вещью. Сперва я подумал, что он хочет подарить мне одну из своих работ, к моему сожалению, весьма бездарную, но оказалось, что я ошибаюсь. Кто написал эту картину — неизвестно, к моему знакомцу она попала случайно, он купил ее в далекой молодости, когда распродавали вещи одного умершего художника. Купил за бесценок, по случайности, не предполагая, что именно попало ему в руки.

Афанасий Иванович еще раз внимательно, с интересом взглянул на холст. И снова не смог разглядеть в нем ничего примечательного.

— Старый художник сказал, что этот портрет имеет мистическое происхождение, и именно он помог ему достичь благополучия и добиться успеха. Но с горечью добавил, что за успех в обществе ему пришлось заплатить теми крохами таланта, что оделила его природа. Мне такая опасность, по его мнению, не грозила, мой талант должен был справиться с искушением портрета. Но все же он предупредил, владеть портретом значит бороться с искушением. Мне недолго осталось жить, и, думаю, могу по праву сказать, я победил искушение, всего добился сам, — гордо вскинув голову, проговорил Карл Павлович, но тут же смущенно улыбнулся и ласково взглянул на Афанасия Ивановича: — Ну а тебя жизнь довела до такой черты, что не то что талант, сам ты стоишь на пороге гибели, а потому без опасения вручаю тебе этот портрет. Владей. Но будь осторожен.

— Да что же мне с ним делать? — воскликнул вконец запутавшийся Афанасий Иванович.

— Просто возьми его домой и пообещай никому не выбросить, не продать, не подарить. Дай слово.

— Даю, — легко кивнул Афанасий Иванович, все еще сжимавший в ладони подаренные Брюлловым сто рублей.

— Ну, вот и ладно. А теперь прощай, друг. Более уж не свидимся. — И, обняв Афанасия Ивановича, расцеловал.

В дверях мастерской Афанасий Иванович столкнулся нос к носу с Платошкой Коробковым. Наипротивнейший тип, надо доложить. Человечишко рода не знатного, талантами не одаренный, состояния

не имеющий, умом большим тоже не блещет, а вот втерся же к Великому, да и в других приличных домах бывает, и не только у художников. Говорун, болтун, скоморох балаганный, а когда хозяева, да и гости под хмельком начнут то карикатуры рисовать, то вирши экспромтом, ежели в гостях у литератора засядут, а то, может, романсик какой, так вот он это все подбирает, все листочки соберет и продаст.

Гении они что? Сотворят в порыве вдохновения и забудут, а он с этого кормится. Вор и подлец.

Афанасий Иванович, при всем своем бедственном положении, никогда до такой низости не опускался. А потому сейчас явление Платошки и вовсе проигнорировал, прошествовал мимо, словом не удостоив.

Быстрее к себе, домой! К Уленьке, к Мишеньке, к дочкам. По пути в лавку забежать, еды купить, детишкам гостинцев, со ста-то рублей можно. Доктора к Мишеньке позвать, с хозяином — шельмой бестыжней за квартиру рассчитаться...

По пути домой Афанасий Иванович забежал в лавку, купил всякой снеди, детишкам гостинцев, по дороге заглянул к доктору, нижайше просил прийти и заплатил за визит сразу. Отчего доктор прибыл незамедлительно.

Когда Афанасий Иванович с доктором поднялись в квартиру, Мишеньке было совсем плохо. Уленька, бледная, измученная беспокойством и бессонной ночью, сидела у его кровати, промокая лобик. Девочки тихие, бледные, похожие на чахлые, выросшие без солнечного света растеньица, сидели на стареньком вытертом диване, перебирая на коленях какие-то старые тряпицы. Ни шумливости, ни игр, за братика переживают.

Портрет он впопыхах в комнате за шкафом сунул да тут же про него и забыл.

Доктор Мишеньку осмотрел, прописал порошки, питание полноценное, бульоны. У Уленьки от этих слов на глаза слезы навернулись. Где ж их взять, бульоны-то эти?

Но Афанасий Иванович погладил ее по плечу, мол, ничего, ничего, будут и бульоны. А когда доктор ушел, сгоял в аптеку за углом. А заодно в подвальчик соседний, купил бутылочку дешевого кислого винишка, выпить за здоровье благодетеля Карла Павловича Брюллова.

Жар у Мишеньки к ночи отступил. Заснул Афанасий Иванович быстро, легко, сегодня день прожили, и слава богу, а завтра надо будет первым делом за квартиру заплатить, пока этот клещ Кузьма Потапович квартального не привел. С тем и заснул. На сытый-то живот да после бутылочки кому ж не заснется?

А ночью вдруг его стук какой-то разбудил. Да так, что Афанасий Иванович, в секунду проснувшись, на кровати подпрыгнул. Смотрит вокруг, тарашится в темноту, ничего понять не может. В доме тишина, только тараканы за обоями потрескивают. Уленька рядом спит. Личико ее даже во сне печально, заботами источено.

Афанасий Иванович повздыхал, прошлепал на кухню водички попить и тут снова будто шебаршение какое услышал, за шкафом точно мыши возились.

«Вот проклятые, кота бы завести», — зевая, подумал Афанасий Иванович, да ведь хозяин-шельма не даст.

Он взгляделся в освещенный призрачным лунным светом угол, мышей не увидел, но заметил вчерашний портрет, лежал он уже на полу, уголком выглядывая из-за шкафа.

Афанасий Иванович тут же устыдился, как это он подарок самого Брюллова, щедрого его благодете-

ля, вот так вот неуважительно за шкаф? Надо бы его на стену завтра повесить, а пока вот хоть на стул приспособить, пусть стоит. И, утвердив на-дежно творение неизвестного мастера, снова от-правился спать.

Второй раз Афанасий Иванович проснулся не сразу. Долго ворочался, кряхтел во сне. Мучило его какое-то беспокойство, и, наконец, проснулся с явным ощуще-нием, что в комнате кто-то есть посторонний. Он снова сел на кровати и огляделся.

В комнате, как и следовало ожидать, никого не бы-ло, только противный старикашка таращился на него с портрета. Афанасий Иванович поежился под этим взглядом, сплюнул через плечо и, повернувшись на дру-гой бок, попытался опять заснуть.

Но в голову ему теперь лезли беспокойные мысли. Как хорошо иметь деньги. Вот сегодня без всяких про-волочек позвал доктора. И в лавке рассчитался. И еды всякой накупил, а еще надо бы девочкам ботинки спра-вить, а хорошо бы Уленьке к именинам новое платье подарить.

Да уж, какое тут платье, когда не сегодня завтра деньги, выданные Брюлловым, закончатся. И опять бу-дешь думать, чем семью прокормить, как бы копейку заработать.

На глаза Афанасия Ивановича навернулись слезы. Так стало жаль себя, девочек, Мишеньку, жену свою Уленьку, даже сердце резануло. А все нищета прокля-тая. Ведь так и проживут они свой век, радости не познав, в бедности и унижении. А вот как бы было чу-десно получить какой-нибудь заказик, тысячи этак на три... А потом еще... Купить свой домик, с садиком, а может, и в два этажа, и тогда можно было бы первый этаж сдавать и даже доход свой иметь.